

МУЗЫКА НАЧИНАЛАСЬ С... ВОЙНЫ

В. КОРОЧАНЦЕВ

МАСКИ бамунов внушительны по размерам. Их форма необычна и в то же время на редкость выразительна. Даже привыкнув, не перестаешь восхищаться фантазией их творцов. Выпуклые, огромные, вне всяких пропорций глаза — символ абсолютного знания, всеведения — надолго застревают в памяти, преследуя днем и ночью самого невпечатлительного человека, впервые их увидевшего. Они чем-то похожи на глаза святых с русских икон старого письма. Бамунов не так много — на всю Африку всего около 80 тысяч. Однако этот народ, живущий вокруг города Фумбан, на западе Камеруна, известен своим значительным вкладом в африканское искусство.

Воины и земледельцы, люди высокого роста, с прямыми, четкой лепки носами, светло-коричневой блестящей кожей, величественными, царственными жестами, которые, по словам одного французского африканиста, придают им особое благородство, а их женщинам — элегантность Юноны, бамуны уже одной своей внешностью частично объясняют свое размахистое, крупнокалиберное искусство. В прошлом это небольшое племя сумело подчинить себе самую крупную народность Камеруна — бамилеке.

Говорят, что индивидуальность бамунов, их цивилизация родились и сохранились благодаря жесткой централизованной политической структуре, созданной властолюбивыми султанами. Искусство бамунов издавна черпало вдохновение в деяниях султана и его двора в Фумбане, в военных походах под его предводительством. Реже оно вдохновлялось чисто народными мотивами, что

представляет исключительное явление в африканском искусстве, которое, как правило, является коллективным творчеством всех, для всех и обо всех.

Воображение бамунов пылко и подчас, кажется, доходит до устремляющих крайностей: мне пришлось видеть во дворце султана великолепной работы сосуд для пальмового вина, инкрустированный... зубами поверженных врагов. Однако бамунские деревянные панно, изображающие сцены из народной жизни, сцены труда на того же султана, не только филигранны и превосходны по качеству резьбы, но и очень реалистичны. Это еще одно свидетельство великой способности искусства выходить за жесткие рамки панегирика в адрес отдельной личности, быть правдивым и беспристрастным отображением жизни. Быт самого султана отступает перед обилием народных сцен. Впрочем, теперь бамунские умельцы все чаще отклоняются от канонов прошлого, обращаясь к более скромным темам, к повседневности, избирая себе новых героев.

Бамуны прославились и тем, что в конце прошлого века здесь, впервые в Западной Африке, с легкой руки бамунского султана Нджойи появился национальный алфавит. Деспотичные и весьма консервативные, султаны тем не менее в области культуры были довольно активными. Отец нынешнего правителя Сейду Нджойи положил начало деревянной скульптуре, художественной вышивке, художественному медному литью, принесшему большую славу бамунам.

Много любопытного можно встретить в стране бамунов, но любопытнее всего мне показалась их музыка. Впервые я услышал ее во время поездки в Фумбан, а затем продолжил знакомство по уникальным магнитофонным записям яундского радио. Музыка бамунов не оставляет безразличным ни одного завзятого меломана. В ней есть глубокая самобытность, неожиданная экзотика и строгая, почти классическая простота.

Положительная черта бамунского музыкального искусства — восприимчивость, благожелательное отношение к музыке других племен и народностей.

История бамунской музыки связана с культурой танца, и началась она с войны. Впрочем, у бамунов в прошлом многое начиналось с войны. Легенды описывают ссору первого бамунского вождя Ншаре с Нфо Ндуэтмбу, вождем

соседнего племени, научившего его и всех бамунов искусству танца. Они повздорили во время пляски. Но рассказывают и о том, как музыка спасла бамунов от неминуемого поражения.

В первой половине XIX века бамунами правил свирепый великан Мбомбо (по преданию, его рост был два с половиной метра). Иногда Мбомбо запирался в своих покоях и два-три придворных танцовщика с заискивающими улыбками ублажали его секретным танцем «мбансие», на который простым смертным глядеть не разрешалось. Но вот в битве с лихими кавалеристами фульбе, надегавшимися с севера, Мбомбо был наголову разбит. Прискакав с остатками дружины в Фумбан, воитель вывел музыкантов во двор и на глазах изумленных подданных пустился в пляс, раскрыв, таким образом, таинственный «мбансие». Переведя дух, Мбомбо обратился к воинам: «Каждый, кто принесет мне голову фульбе, сможет присоединиться к этому танцу». Устоишь ли перед соблазном танцевать бок о бок с правителем! В бамунах разыграло честолюбие. Они выиграли войну, и танец, до тех пор бывший монополией придворных, стал доступным касте воинов.

Ныне число участников танцевального действия доходит до тридцати человек. Оркестр состоит из десятка железных колокольчиков, четырех специальных барабанов и шести мешков из буйволиной кожи, наполненных железками. На одном из барабанов исполняет партию родной брат султана.

Мелодии и ритмы бамунов обладают способностью весьма конкретного эмоционального воздействия. Они поражают слушателя до глубины души, вызывают совершенно определенные ассоциации. Так, я слышал мотив «мвигтонго», который исполняется редко — лишь во время церемонии казни министра. Когда бамунский вельможа допускает серьезную спешность, оркестр и члены тайного общества ночью отправляются к нему на дом. Внезапно в кромешной тьме раздаются скорбная дробь барабанов, которой мрачно вторит оркестр и периодические выкрики хора. Кровь леденеет в жилах, возбужденно бьется сердце. О церемонии заранее не предупреждают. И знающие за собой вину министры трепещут: «По ком бьют барабаны? К чьему дому направляется страшная процессия? Не ко мне ли?».

Музыка бамунов включает мотивы других племен. Султан Нджоя, изобретатель бамунского алфавита, любил выслушивать жалобы тикаров, которые они излагали в виде полных лиризма танцев и песен. Нынешний султан Сейду выходит из дворца в сопровождении двух сказителей-гриотов из племени фульбе, играющих на своих национальных инструментах. В бамунских оркестрах прижились инструменты фангов-бети из южного Камеруна, железные колокольчики бамилеке, гитары жителей камерунского севера.

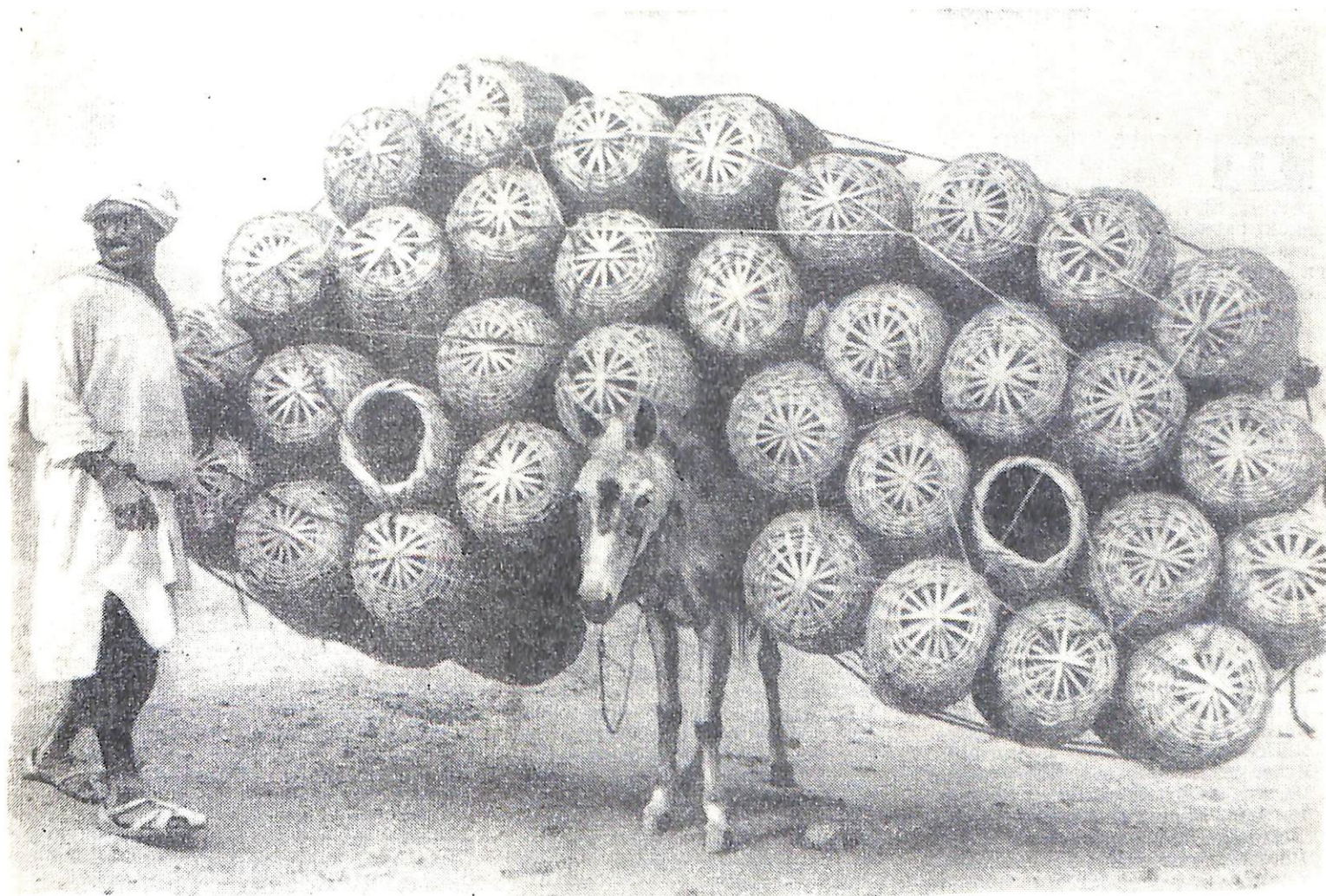
Музыка, дитя войны, присутствует на всех мирных праздниках бамунов. Массовые вечерние пляски то плавны по-лебединому (они похожи по манере исполне-

ния на репертуар нашей «Березки»), то взрываются в приступе бесшабашной удалости. «Музыка бамунов,— говорит камерунский писатель и музыкант Франсис Бейбей,— одна из наиболее разносторонних в Африке». В наше время, когда отмирают устаревшие традиции, музыка и танец, которые прежде называли придворным искусством, покинули тесные каменные стены султанского дворца и переместились на улицы и площади, став достоянием каждого бамуна, камерунца, яркой страницей музыкального искусства Африки.

Радиоволны разносят над страной напевы и ритмы бамунов. «Что это? Воспоминания о прошлом? Реликвии уходящего из жизни жанра?» — спросил я одного

сотрудника камерунского радио. «Нет,— возразил он.— Музыку народов республики мы берем не только в настоящее, но и в будущее. Это живая основа нашей рождающейся культуры — культуры народов независимого Камеруна».

Прошлое, если к нему бережно относиться, становится отправным пунктом для будущего, тем оружием, которое способно защитить самобытность Африки, ее неотъемлемое право на индивидуальность, на собственную цивилизацию и культуру. Вот почему достойно глубокого уважения почтительное внимание африканской интеллигенции к собственному музыкальному наследию, к отечественным культурным ценностям.

Марокко. Недаром ослы славятся выносливостью. Этот нагружен 70 корзинами, предназначенными для транспортировки фиников.